

Лион Фейхтвангер

Марианна в Индии

Лион Фейхтвангер Марианна в Индии

HarryFan

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=160712

Лион Фейхтвангер. Собрание сочинений. Том 12.: Художественная литература; Москва; 1968

Лион Фейхтвангер

МАРИАННА В ИНДИИ

На третью неделю после отплытия из Портсмута все пассажиры корабля «Герцог Грэфтон» успели перезнакомиться друг с другом, одни – подружиться, другие – перессориться, и каждый за это время отлично изучил всех остальных. Путешествие из Англии в Индию занимало много времени: ведь нужно было обогнуть мыс Доброй Надежды. От Портсмута до Мадраса при благоприятных обстоятельствах считалось девятнадцать недель пути, но бывали случаи, когда приходилось пребывать на борту в течение шести месяцев. Теперь корабль плыл вдоль западного берега Африки. Жара стояла адская. Суда Ост-Индской торговой компании вообще не отличались благоустройством, а «Герцог Грэфтон» отнюдь не был самым благоустроенным из них. Неприятно было отсутствие комфорта, еще неприятнее жара; но всего тягостнее была скука.

На борту пассажиров было сорок один человек, не считая экипажа. Преобладали военные, по большей части впервые отправлявшиеся в Индию, было несколько чиновников Ост-Индской компании, священник. Всего пять дам: генеральша Клэверинг, некая мисс Пирс, жена и дочь муршедабадского резидента компании и немка, миссис Имхоф, путешествовавшая в сопровождении мужа и четырехлетнего ребенка.

Индия слыла страной изнурительной – и все же манила людей. Уезжали туда либо те, кому уж очень круто приходилось на родине, либо те, что твердо уповали на свою удачу. Многие возвращались с туго набитым кошельком и вконец расстроенным здоровьем, многие – с расстроенным здоровьем, но без денег, многие безвременно погибали под воздействием зловредного климата. Негостеприимная страна – уже ранней весной сто градусов по Фаренгейту – и беспокойное население. Семнадцать тысяч белых среди семидесяти миллионов туземцев. Все ненадежно, неустойчиво; в этой стране англичане никогда не чувствовали твердой почвы под ногами. Правда, военная служба в Индии сулила быстрый, блестящий успех, там имелось больше шансов сделать карьеру чем где бы то ни было. Разве тридцатилетний Джон Чарльз Маклин, брат Хьюга Маклина, ехавшего на «Грэфтоне», за четыре года не нажил сорок тысяч фунтов? Ради этого многие согласны были примириться с больной печенью.

Итак, надежды и намерения тридцати восьми из сорока одного пассажира «Герцога Грэфтона» ни для кого не являлись загадкой. Но в каких целях, чего ради сел на корабль этот немец – подвижной, седоватый, полный господин, везший с собой жену и ребенка? Он именовал себя бароном Кристофом Карлом Адамом Имхофом. Но путешественники не очень-то верили в его родовитость, да и в списке пассажиров он значился как мистер Имхоф – без всякого титула. Кое-кому из спутников барон сообщил, что он худож-

ник, едет в Индию в поисках новых сюжетов, а главным образом рассчитывает писать там портреты-миниатюры туземных властителей в модной манере – на фарфоре и слоновой кости. Фантастический план, вдвойне рискованный, если человек тащит с собой жену и ребенка. Пассажиры равнодушно слушали его рассказы, – он говорил по-английски с ошибками, но бегло и образно, – с холодной учтивостью отклоняли его настойчивые попытки завязать беседу и не общались с супругами Имхоф.

Однако все они весьма интересовались странной четой. Миссис Имхоф была значительно моложе своего мужа; ей могло быть года двадцать два, цвет лица у нее был свежий и в то же время нежный, белокурые волосы и прозрачная кожа, невысокий лоб, серые глаза. Она охотно смеялась, обнажая мелкие, красивые зубы. Вся она, несмотря на то, что была рослая, статная, а черты ее лица вблизи могли показаться несколько резкими, производила впечатление хрупкости и грациозности. Стоило сомнительной баронессе выйти на палубу, как мужчины сразу меняли свою манеру держать себя и говорить. Речь их звучала громче, оживленнее, движения приобретали четкость, изящество. Зато дамы, во главе с генеральшей Клэверинг, при появлении миссис Имхоф умолкали, их лица становились деревянными.

Корабль все еще плыл под небом тропиков, пассажиры потели и скучали. Три недели пути на море – долгий срок, а если вдобавок видишь рядом с собой пестрое, многообразное,

но сплоченное общество, упорно отвергающее чужаков, то он кажется длинным вдвойне. Быть может, супруги Имхоф от этого страдали больше, чем от всего остального; быть может, никому из тех, кто находился на корабле, не предстояло такое тяжелое, мрачное будущее; но барон все так же весело, непринужденно пытался завязать знакомство с остальными пассажирами, баронесса улыбалась все той же ясной, красивой, бисерной улыбкой. Даже постоянная возня с ребенком, по-видимому, не отражалась на расположении ее духа. Четырехлетний мальчуган был самым подвижным из всех существ на борту, если не считать крыс. Толстый шалун, которого мать то и дело ласково останавливала, упрашивала, успокаивала, без устали носился с одного конца корабля в другой, играл с собакой и птицами, задавал капитану кучу вопросов на немецком языке, которого тот не понимал, визжал, хныкал, мешал матросам работать, раза три-четыре в неделю бесследно исчезал под сложенными парусами или в трюме, неустанно подвергал свою жизнь опасности, путался под ногами у пассажиров и падал.

– Карл! Карл! Перестань! – твердил изо дня в день звонкий голос миссис Имхоф, а пассажиры объясняли друг другу, что Карл – то же, что Чарльз.

Однажды маленький Карл, упорно и неумело гоняя волчок, подбежал совсем близко к генеральше Клэверинг, которая шествовала по палубе, одетая, несмотря на жару, с великой пышностью. Волчок запутался в ее шлейфе. Карпуз

метнулся к генеральше, упал, ухватился за ее юбку, разорвал ее. Генеральша подхватила разодранную юбку рукой и, кисло сморщив большое лицо, не проронив ни слова, хотела было двинуться дальше. Миссис Имхоф, зарумянившись от смущения, подошла к ней и заговорила быстро, сбивчиво, путая немецкую речь с английской, обращаясь то к генеральше, то к ребенку, которого, очевидно, убеждала извиниться. А малыш стоял, надув пухлые щеки, уставив круглые глаза в одну точку, и упорно молчал. Генеральша холодно ответила: «Не понимаю», – приподняла плечи, выразительно опустила их и отошла, гордо вскинув голову, глядя прямо перед собой. Миссис Имхоф уже не имела вида веселого и беззаботного. Она сторбилась, ее лицо побагровело, страдальчески сморщилось, в нем обрисовались резкие линии. Она мгновенно превратилась в усталую, удрученную заботами женщину.

Когда она, держа за руку надутого, упирившегося мальчика, хотела удалиться, к ней подошел низенький господин в сюртуке кофейного цвета; у него было продолговатое лицо, длинный нос, удлиненные глаза, высокий лоб, массивный подбородок, его платье, несмотря на жару, было аккуратнейшим образом застегнуто, перетянута, заутюжено; он учтиво сказал ей:

– Вероятно, миледи, нелегко совершать такое длительное путешествие с ребенком, даже если ребенок очень мил, а мать очень терпелива.

Миссис Имхоф взглянула на кофейного цвета господина.

Она смутно припоминала, барон как-то говорил ей, что этот низенький, чопорный человек – весьма важная персона, но что он ни с кем не желает общаться. Она тотчас вновь улыбнулась своей приветливой улыбкой, снова обрела вид юной, хрупкой девушки.

– О сударь, – ответила она на ломаном английском языке, – это наоборот, это прекрасно. – Она поправилась: – Это чудесно, быть вместе с ребенком, и так уныло без него.

Кофейного цвета господин внимательно выслушал ее и снова, очень медленно, подбирая, чтобы она могла понять его, самые простые слова, сказал ей, как мил ее мальчик. Вероятно, он один на всем корабле держался этого мнения, если не считать матери ребенка. Миссис Имхоф оживленно отвечала, прося извинить ее ужасный английский язык. На это она услышала, что ее английский говор восхитителен. Собеседник был довольно невзрачен, но лицо его выражало ум. Баронесса была выше его ростом, ее веселая, непринужденная манера держать себя резко отличалась от его серьезной, чопорной. Дамы следили за их разговором с затаенной злобой, мужчины – с напряженным вниманием. В духоте, в мертвой скуке палубы единственно эти трое казались веселыми и довольными. За ленчем они сидели вместе, мальчик Карл облил супом сюртук кофейного цвета, обладатель сюртука нашел это восхитительным.

После ленча, когда пассажиры отдыхали в своих каютах, барон объяснил жене, какое положение занимает кофейного

цвета господин. То был некий мистер Уоррен Гастингс¹. Баронесса никогда не слыхала такого имени – Уоррен и тщетно пыталась отчетливо выговорить непривычные для ее звонкого швабского произношения звуки. Барон растолковал ей, что этот мистер Гастингс отправляется в Мадрас, куда назначен старшим советником. На самом деле он будет управлять всей провинцией, ибо мадрасский губернатор, господин Дюпре, стар и правит лишь номинально. Тут баронесса, зевнув, – ибо она начинала ощущать легкую истому, не лишенную приятности, – спросила:

– А что собою представляет провинция Мадрас? Неужели она так же обширна, как герцогство Вюртембергское?

Баронесса была родом из Штутгарта и до сих пор, до этого дальнего путешествия, кроме Штутгарта, знала лишь Нюрнберг, где прожила вместе с мужем последние годы.

– Даже больше, – ответил барон, – там около двадцати миллионов жителей, а в Вюртемберге их всего восемьсот тысяч.

– Значит, низенький кофейного цвета господин, пожалуй, могущественнее герцога Карла Евгения? – сказала баронесса и не могла удержаться от смеха.

¹ *Уоррен Гастингс* (1732–1818) – первый английский генерал-губернатор Индии. Вел успешную политику колониальных захватов и положил начало полному подчинению Индии британской короне. Однако его политика вызвала недовольство парламента, и в 1784 г. Гастингс был отозван из Индии и предан суду. Процесс длился семь лет и, несмотря на оправдательный приговор, разорил Гастингса.

– Конечно, – подтвердил барон и принялся в сотый раз яркими красками описывать Марианне Индию. Необъятную, кишашую людьми страну, с ее своеобразным, проникнутым древней культурой и вместе с тем младенчески беззащитным населением, которое любой умный, решительный человек может с легкостью подчинить себе. Лорд Клайв показал, что девятьсот англичан в состоянии справиться с пятьюдесятью тысячами туземцев. Удивительный народ – эти туземцы. При всей своей трусости они иногда становятся весьма опасными. В особенности когда дело касается их богов и священных животных. Они ускользают из рук, их не уличить, не словить. Они способны из-за всяких пустяков дать ложную присягу, изумляются, когда европейцы изумлены этим. Умирают стойко, безмолвно – тоже из-за пустяков. Барон фон Имхоф увлекательно повествовал о сказочных сокровищах, джунглях, пагодах, о раджах, восседающих на золоте и слонах, о святых, одаренных магнетической силой, о танцовщицах в храмах, о бесчисленном множестве рабов, находящихся в распоряжении всякого белого. Он рассказывал о тех огромных возможностях, которые, в силу запутанного положения дел в Европе, войн, сложных противоречий между интересами Голландии, Англии, Франции, открываются в этой стране любому умному человеку. Нужно только занять надлежащее положение, хотя бы стать советником какого-нибудь туземного властителя, а затем умело использовать соперничество европейских держав при его дворе. Барон фон

Имхоф мечтал о том, как он своим искусством миниатюриста приобретет благоволение какого-нибудь могущественного раджи, станет его любимцем, отхватит солидный ломоть исполинского пирога, именуемого Индией, вернется в Европу миллионером.

Марианна молча слушала его. Она смежила нежные, синеватые веки, опущенные длинными темными ресницами. Она любила своего мужа и охотно слушала его речи, ибо он говорил занимательно, красочно. Так скучно было в Штутгарте, так бедно жила семья, где выросла Анна Мария Аполлония Шапюзе, третья дочь захудалого француза-эмигранта, которого при блестящем дворе герцога Вюртембергского только терпели, к которому относились с плохо скрываемым презрением. Не удивительно, что вновь появившийся в Штутгарте франконский барон, светский, много путешествовавший на своем веку, быстро вскружил голову юной, неопытной, статной Марианне, – в его почтительной влюбленности ей чудилось осуществление заветных ее мечтаний. Легко и быстро оболыщенная, она сама была изумлена тем, как хорошо и гладко все сошло. После долгой беседы, в которой обе стороны проявили немало пафоса, отец и брат Марианны заставили барона, уж немолодого, слегка потрепанного, жениться на Марианне. Карл Адам фон Имхоф на своем веку видал виды, а из Турции, где прожил довольно долго, вывез некоторую дозу фатализма. «А почему бы нет?» – сказал он себе и женился. Беспокойство выражала только мать девуш-

ки, Сусанна Шапюзе. Ей барон Имхоф совсем не нравился: ветрогон, авантюрист, бедняк.

– Да, видно, не придется тебе лакомиться нашим любимым вареньем, – озабоченно сказала она, когда Марианна садилась вместе с мужем в карету. Она подразумевала густое малиновое варенье, какое в тех краях приготавливают особенно вкусно.

Однако, вопреки опасениям матери, брак оказался не таким уж неудачным. Молодые супруги поселились в Нюрнберге, первый ребенок умер, – это, быть может, было кстати. Затем представилась возможность занимать деньги, – правда, не совсем безупречным способом. Марианна ничего не смыслила в делах и не тяготилась долгами. Когда дальнейшее пребывание в Нюрнберге стало небезопасным и барон предложил рискованную поездку в Индию, она, не задумываясь, пустила в ход последний козырь, – в свою очередь, выудила у доверчивого и без того сильно пострадавшего кредитора крупную ссуду, последнюю. А сейчас они плыли на «Герцоге Грэфтоне», везя с собой резвого ребенка, много надежд и очень мало денег.

Кофейного цвета господин, чье имя так трудно было выговорить, тоже отдыхал на узкой койке, в душной своей каюте. Он прожил в Индии шестнадцать лет и привык к зловередному климату, сложным взаимоотношениям, изнурительным переездам. Привык быстро принимать решения в трудных военных вопросах, искусно вести дипломатические перегово-

воры с непроницаемыми туземцами. Привык упорно отстаивать ради интересов Лондонской компании, против лондонских заправил, меры, в Мадрасе или Калькутте представлявшиеся столь же необходимыми, сколь они казались нелепыми в главной конторе компании, на Лиденхоль-стрит, в Лондоне. Привык вновь и вновь выпутываться из дилеммы: деньги или гуманность, когда в Лондоне требовали денег и гуманности. Привык оценивать товары, организовывать огромные караваны, сооружать фабрики, в то же время являвшиеся крепостями, ловко лавировать среди превратностей морской войны, сильно смахивавшей на пиратство, заключать коммерческие сделки, затрагивавшие сферу высокой политики. Ему доставляло развлечение спутывать, в этом непереносимом климате, политику, стратегию, туземную психологию, английскую цивилизацию, индусскую культуру таким образом, что из этой мешанины для Лиденхоль-стрит получались высокие дивиденды. Между делом он читал латинских классиков, писал стихи, занимался спортом, изучал туземные языки. Он не выносил лишь одного – бездеятельности. Он знал – чем труднее будет положение, тем больший прилив сил он ощутит. Здесь, на корабле, он мог только читать классиков да играть в шахматы с майором Арчибальдом Колендером. Это изводило его.

Ему не спалось. Лежа в душевной каюте, он размышлял о том, что при самых благоприятных обстоятельствах до прибытия в Мадрас пройдет еще шестнадцать недель. О том, что

ему пришлось наделать долгов, чтобы продолжать выплату пособий, которые он во время пребывания в Англии так щедро назначал своим многочисленным бедным родственникам. Думал о поместье Дэйльсфорд, которое вновь посетил теперь, – древнее родовое владение его семьи, за три поколения до него проданное с молотка. Не будут ли десять лет трудов в Мадрасе и Бенгалии слишком дорогой платой за то, чтобы вернуть себе Дэйльсфорд? Нет, не будут. Он растянул губы в улыбку.

Под вечер, когда стало прохладнее, он встретил на палубе немецкую даму. Он искренне находил, что ребенок мил и забавен, однако же не досадовал, что леди Имхоф уже уложила его спать. На мистере Гастингсе опять был сюртук кофейного цвета, но не тот, что днем. Баронесса переделалась, она была в чем-то воздушном, светлом – шали, кисея, кружева, на белокурых волосах красовалось какое-то сложное сооружение. Гастингс рассказывал о Мадрасе и Бенгалии. Совсем не так, как барон Имхоф. Он говорил о цифрах, пошлинах, налогах, административных мероприятиях. Баронесса слушала, приветливо улыбаясь. Он отвлекся от фактов, стал сентиментален, как это предписывала мода. Но оказалось, что им трудно сговориться в этой области, ибо каждый из них плохо понимал язык другого. Кофейного цвета господин не спускал глаз с удлинённых розовых губ белокурой женщины, многое понимал неверно, многого совсем не понимал, и оба они, рассуждая о том, как под воздействием климата меня-

ются движения души, не раз весело смеялись над взаимным своим непониманием.

Остальные тридцать девять пассажиров, как и капитан, экипаж, челядь белая и челядь цветная, с живейшим интересом следили за этим разговором. Генеральша Клэверинг подумала про себя, а затем сообщила другим, что подозрительной личностью, по-видимому, является не мистер Имхоф, а его жена. Если раньше генеральша обрывала попытки барона завязать беседу, то теперь, когда жена открыто пренебрегала им, она стала оказывать ему сочувственное внимание.

Мистер Гастингс привык направлять разговор так, как это ему было угодно. Когда он вел длительные, требовавшие необычайного искусства беседы с туземцами, ничто не могло отвлечь его от конечной цели, идти к которой надо было самыми окольными, цветистыми путями. Но его разговор с баронессой Имхоф направляла она. Мистер Гастингс терпеливо исправлял многочисленные ее ошибки. Она смеялась, повторяла за ним, старалась запомнить его поправки, через минуту снова делала ту же ошибку. Гастингс все, что она говорила, находил умным и очаровательным.

За обедом барон ознакомил старшего советника провинции Мадрас со своими воззрениями на Индию. У барона была богатая фантазия, забавные выдумки, причудливые ассоциации мыслей, живое чутье красок, поэзии. Мистеру Гастингсу барон пришелся по вкусу. Он сам любил поэзию. Работал над переводом небольшой индусской поэмы. Даже в

самые занятые дни уделял музам не менее двадцати минут. Но он проводил строгое различие между поэзией и делами, и преклонение перед индусскими и персидскими стихами не мешало ему ревностно защищать интересы Ост-Индской компании против индусов и магометан. Марианна плохо понимала беседу мужчин, говоривших по-английски; время от времени она вставляла какую-нибудь банально-шутливую фразу.

Позже, в постели, барон стал объяснять жене, что мистер Гастингс преуспевает потому, что он не философ. Тот, кто предварительно долго вопрошает себя: почему? для чего? – никогда не сумеет успешно выполнить задуманное. Мистер Гастингс, вероятно, довершит покорение Индии именно потому, что не спрашивает себя, для чего это нужно. Он, Карл Адам, несомненно, гораздо более даровит, чем этот англичанин. Но он, к сожалению, философ, поэт в своем роде. Поэтому его удел – смотреть, как кофейного цвета англичанин уплетает пирог, истинную сущность которого только он, Карл Адам, в состоянии постичь и объяснить.

Марианна заснула, спокойно и радостно, пока Карл Адам толковывал ей все это. Она питала огромное уважение к мужу и его философии; но она и без него отлично знала, как обстоит дело с низеньким, чопорным, кофейного цвета господином. Он нравился ей, потому что она сознавала свое превосходство над ним. Романтик-барон давал ей чувствовать свое превосходство над ней, поэтому она любила его.

Утром следующего дня произошла маловажная, но неприятная сценка. Маленький Карл загрязнил каюту. Баронесса, строго следившая за чистотой, велела горничной убрать. Та едва успела выполнить приказание, как мальчик снова загрязнил пол. На этот раз горничная принялась брюзжать. Баронесса попросила мужа дать сварливой особе на чай. Карл Адам заявил, что лишен этой возможности. Сказал, что не дорожит деньгами, но те пятнадцать луидоров, которыми он еще располагает, отложены на первое время жизни в Индии. Этой суммы хватит самое большее на неделю, он твердо решил не прикасаться к ней до прибытия. Во время этого разговора горничная продолжала стоять на месте, не приступала к уборке. Не понимая немецких слов, она, вероятно, все же улавливала их смысл. Видя, что подачки не последует, она ушла, не выполнив приказания баронессы. Марианна сначала хотела жаловаться на девушку, но, поразмыслив, предпочла ласково попросить ее, задобрить, подарив ей недорогую брошку.

Теперь барон к обеду стал одеваться особенно пышно. Гораздо пышнее, чем господин старший советник провинции Мадрас, по-прежнему сменявший один из двух своих сюртуков кофейного цвета на другой. Но атласный камзол Имхофа был слегка потерт, парик – тоже не первой свежести; чопорный мистер Гастингс резко отличался от барона, к невыгоде последнего. Марианна оживленно болтала по-немецки; говоря по-английски, она делала те же ошибки, что и в пер-

вый день. Она видела, что корректный мистер Гастингс так же восхищается ее болтовней на швабском наречии, как и ее неправильной английской речью. Она любила своего мужа и твердо решила стать миссис Гастингс.

Генеральша Клэверинг теперь уделяла много времени барону Имхофу. Но стоило только Марианне приблизиться к ним, как генеральша застывала в принужденной позе, замолкала и вскоре удалялась. Марианна твердо решила, что станет миссис Гастингс и будет первенствовать в пику генеральше.

Спустя три дня Уоррен Гастингс захворал. Преподобный Артур Сальмон, изучивший медицинские науки, не мог определить, где именно угнездилась болезнь. На всякий случай он прописал жаропонижающие средства; однако истинная причина заболевания чопорного господина заключалась в его бездеятельности; хорошо он чувствовал себя только в неустанной работе, среди треволнений.

Сидя в душной, плохо проветриваемой каюте, Марианна Имхоф ухаживала за больным. Подолгу глядела на его длинный нос, как бы продолжавший лоб – переносица была незаметна – и казавшийся еще много длиннее на исхудалом лице. Вглядывалась в массивный подбородок, в огромный лоб, блестящий, непомерно высокий, – ибо в тридцать девять лет Гастингс уже начинал лысеть. Напряженно внимала словам, срывающимся с тонких, пересохших губ. Она понимала почти все, понимала, что он говорит об управлении страной,

о войске, иногда цитирует кого-нибудь из латинских классиков. В Штутгарте ей часто приходилось слышать латинскую речь, она невольно смеялась над тем, как звучат латинские слова в устах англичанина, и – о чудо! – больной, бесспорно не подозревавший, что она возле него, вторил ее смеху.

Тогда Марианна Имхоф, любившая своего мужа Карла Адама, убедилась, что будет счастлива с человеком, чья фамилия – Гастингс, а имя так трудно произнести, и решила во что бы то ни стало выходить его. С этого дня она стала проводить в его каюте круглые сутки, вызывая этим общее негодование.

Когда Гастингсу стало лучше и его сознание впервые совершенно прояснилось, он попросил зеркало. Он часто бывал в смертельной опасности, благодаря своей невозмутимости выходил победителем из самых тяжелых положений, его девизом был совет Горация – хранить спокойствие в трудных обстоятельствах. Но сейчас, увидя в зеркале изможденное, обросшее бородой лицо, он заметно испугался и с необычным для него крайним возбуждением стал требовать цирюльника. Марианна не поняла его слов, но угадала их смысл. Руководимая чутьем, она проворно разыскала бритву, взбила мыльную пену и приготовилась побрить его. Он растерянно замахал руками: ведь это было как нельзя более неприлично. Но Марианна упорствовала и в течение сорока пяти минут, причинив Гастингсу всего лишь пять глубоких порезов, вернула ему его прежнее лицо.

Что касается Уоррена Гастингса, то он в продолжение этой процедуры ощущал некую глубокую, непристойную, необычайно приятную ему близость между этой женщиной и им самим. И так же непоколебимо, как он задумал довершить и упрочить завоевание Индии, он решил добиться того, чтобы брак этой женщины с бароном Имхофом, отнюдь не ненавистным ему, был расторгнут, а она стала бы миссис Гастингс.

Когда Гастингсу разрешили выйти на палубу, он попросил барона написать его портрет-миниатюру. Остальные пассажиры нашли несколько странным, что мадрасский старший советник заказывает подозрительному немцу свой портрет, притом еще в двух видах: в сюртуке кофейного цвета и в парадном фраке цвета бордо. Впрочем, нельзя было не признать, что маленький человек, с огромным лбом, длинным носом, как бы продолжавшим лоб, – переносица была незаметна, – кустистыми бровями и массивным подбородком, в этом фраке и в пышном парике являл внушительный вид. Даже мальчик Карл возымел некоторое почтение к нему.

Во время сеансов мистер Гастингс беседовал с мистером Имхофом о вопросах немецкого, английского, индусского законодательства, – преимущественно о тех из них, которые касались семейного права. Мистеру Гастингсу нередко приходилось одерживать победы в области политики, стратегии, коммерции; ни одна из них не доставила хмурому англичанину такой радости, как сообщение, что франконские суды

расторгают брак в случаях взаимного нерасположения супругов или различия их темпераментов.

Уоррен Гастингс стал быстро поправляться, – ведь перед ним стояла сложная задача. Многоопытный в длительных переговорах с людьми Востока, он исподволь стал подбираться к рыхлому фантазеру Имхофу. Барон видел, как англичанин подкрадывается к нему все ближе, и, еще не вступив в борьбу, сознавал, что будет побежден. Марианну он любил, а Гастингс внушал ему почтение. Оба – и Марианна и Гастингс – были энергичнее его. Богатое воображение мешало ему быть энергичным; он видел слишком много возможностей, а потому не мог неуклонно держаться одного и того же пути. При всей приятности брака с Марианной он, будучи фаталистом, готов был, пожав плечами, расторгнуть его с той же легкостью, с какой в свое время заключил. К тому же вся эта история, – будучи фаталистом, он не отказывался это признать, – имела и хорошие стороны. Щедрая рука молодого завоевателя Индии могла даровать умному человеку немало благ. Господин фон Имхоф тщательно раскрашивал и ретушировал свои миниатюры. Гастингсу нелегко было нащупать почву для переговоров. Понадобился целый ряд предварительных иносказательных собеседований, прежде чем каждый из них с полной ясностью изложил другому свою точку зрения. Оказалось, что они отнюдь не являются непримиримыми. Мистер Гастингс был столь же покладист в денежных делах, как мистер Имхоф – в вопросах

чувства.

Когда они пришли к соглашению, барон ночью переговорил с Марианной, Вначале он старался вести разговор в светском, скептически-циничном тоне, но это ему плохо удавалось. Его рыхлое лицо приняло удрученное, старческое выражение, в ту минуту Марианна очень любила его. Она пыталась обратить дело в шутку, звонко смеялась, обнажая мелкие зубы. Но и ей это не удалось. В конце концов она расплакалась. За всю их долгую совместную жизнь Карл Адам лишь второй раз видел ее плачущей; ибо она – редкое исключение в то чувствительное время – не любила слез. На этот раз она плакала так сильно, что подушка промокла насквозь. Она пыталась заглушить рыдания, уткнувшись в подушку, но мальчик Карл проснулся, стал хныкать, требовать лимонаду, шуметь, соседи выражали неудовольствие.

В итоге было решено, что супруги Имхоф из первой же гавани, в которую зайдет судно, отправят в нюрнбергский суд прошение о разводе, а затем останутся в Мадрасе или ином месте, где будет иметь пребывание мистер Гастингс, пока не получат постановление суда о расторжении брака. Мистер Гастингс брал на себя заботу о том, чтобы супруги могли жить сообразно их положению в обществе, ибо вследствие коренного изменения всех планов мистер Имхоф лишился возможности выполнить свое первоначальное, сулившее столько выгод намерение – писать миниатюры с раджей. Предполагалось, что по получении развода барон вернется в

Германию, а маленький Карл останется у матери.

Заклучив это соглашение, супруги Имхоф, маленький Карл и мистер Уоррен Гастингс зажили на корабле дружной семейной жизнью. Барон фон Имхоф примирился со своей судьбой. Гораздо менее примирились с нею остальные тридцать девять пассажиров, меньше всех – генеральша Клэверинг. Теперь она держала себя с бароном Имхофом и мистером Гастингсом так нее холодно, как прежде с миссис Имхоф.

Прошло, однако, целых шесть лет, пока дело о разводе получило благоприятное разрешение. За эти годы Уоррен Гастингс стал губернатором Бенгалии и первым генерал-губернатором Британской Индии. Довершил завоевание Индии. Наполнил золотом кассы компании. Сломил злостное, упорное сопротивление советников, навязанных ему Лондоном. Для достижения этих целей предал казни через повешение знатнейшего из туземцев. В тех же целях предал истреблению храброе племя, к которому был расположен, ради племени трусливого, которое презирал. Строил дороги. Распределял припасы, когда в стране свирепствовал голод. Был справедлив и несправедлив, подобно великому Гангу.

Марианна Имхоф, живя бок о бок с ним, не задумывалась над всеми этими событиями. В Калькутте она окружила себя княжеской роскошью, блистала нарядами, тратила рупии

мешками, получала от туземных властителей и вельмож вынужденные подарки, подносимые с внешним подобострастием и скрытой ненавистью, смеялась, обнажая мелкие зубы, чувствовала свое превосходство над Гастингсом и по-своему любила его, говорила на таком же дурном английском языке, как и вначале, а Гастингс все в ней находил восхитительным. Ее длинная шея с годами стала тощей, черты лица заострились, а маленький Карл превратился в неуклюжего, шумного, назойливого балбеса.

В ту самую пору, когда мистер Гастингс дерзко, гениально и незаконно сломил сопротивление трех своих противников, заседавших в Совете по делам Индии, прибыло постановление нюрнбергского суда о разводе, и Гастингс мог наконец сочетаться браком с миссис Имхоф. Но одним из трех советников, которых он наконец поборол, был генерал Клэверинг. Теперь, когда между ними установилось некое подобие мирных отношений, генералу неловко было бы не присутствовать на бракосочетании губернатора. За два дня до торжества Клэверинг довольно сильно занемог. Генеральша просила извинить ее, ибо она должна ухаживать за мужем. Однако Гастингс, по желанию Марианны, в день свадьбы сам приехал к генералу и с учтливой настойчивостью принудил его и леди Клэверинг принять участие в празднестве.

Марианна Имхоф в течение своей жизни по большей части была счастлива. Она была счастлива в Штутгарте, когда светский, элегантный барон обольстил ее, была счастлива,

когда он женился на ней, была счастлива, когда в первый раз приложила к груди малютку Карла. Была счастлива, когда кофейного цвета господин на корабле воспылал любовью к ней; счастлива, когда он в своей карьере поднимался на все большие высоты. Но самым счастливым за всю ее жизнь был тот день, когда деревяннолицая генеральша принесла ей свои поздравления.

Впрочем, генерал Клэверинг скончался через три дня после свадьбы губернатора, – потому ли, что празднество чрезмерно утомило его, или потому, что досада вконец истерзала его сердце.

Марианна уведомила свою матушку, Сусанну Шапюзе, о том, что вступила в новый брак, и приложила к письму перевод на крупную сумму. Письмо пошло из Калькутты в Плимут и через восемнадцать недель после того, как было отправлено, уже очутилось в руках почтенной Сусанны Шапюзе. Пожилая, надменная дама до некоторой степени разделяла взгляд штутгартского двора, который смотрел на губернатора Индии свысока. Индию там считали чем-то вроде цирка или зверинца, а ее губернатора – некой помесью укротителя зверей и торгаша. В Штутгарте это не могло внушать почтения. В ответном послании, полученном Марианной через десять месяцев после отправки письма из Индии, мать в сердечных выражениях поздравляла дочь, но наряду

с этим высказывала опасение, что Марианне, по-видимому, и на сей раз не придется лакомиться вареньем. Она подразумевала густое малиновое варенье, какое в Вюртемберге готовят особенно вкусно.

Сэр Уоррен Гастингс, старец семидесяти трех лет, вопреки моде одетый в скромный сюртук кофейного цвета, один шел по прекрасному парку своего поместья Дэйльсфорд. Было раннее июньское утро. Замок Дэйльсфорд, белый, обширный, безмолвный, высился среди огромного парка, над тихим озером. Слуги только что проснулись. Старый джентльмен радовался тому, как хорошо принялись некоторые растения, привезенные им из Бенгалии, досадовал, что другие, с большими хлопотами доставленные из Мадраса, по-видимому, не принесут плодов. Он нагнулся, чтобы прочесть ученое название дерева, старательно выведенное на дощечке: *Nephelium Litchi* – гласило оно.

Солнце медленно поднималось над деревьями. Гастингс направился в маленькую столовую, где подавался завтрак. Стол был накрыт на три прибора. Ему бросился в глаза неказистый глиняный горшочек, каких в Англии не изготавливали. Он улыбнулся. Горшочек, наверно, предназначался для гостыи, прибывшей накануне.

Гостыя была легка на помине. В столовую, заботливо поддерживаемая Марианной, вошла дряхлая старушка, и Га-

стингс необычайно почтительно приветствовал ее. То была мать Марианны.

Да, престарелая баронесса Сусанна Шапюзе наконец совершила путешествие из Штутгарта в Дэйльсфорд. Она не видела дочери с того дня, как та в сопровождении Карла Адама фон Имхофа уехала в Нюрнберг. Правда, о ее судьбе она слыхала многое, самые удивительные вещи. Время от времени Марианна и сама давала знать о себе весьма реальным образом: посылкой денег, переводом или наличными. Но мать по-прежнему скептически относилась к чужой, дикой стране, в которой жила Марианна, и не была склонна позволить такой сомнительной личности, как губернатор Индии, морочить себя. Лишь с того времени, как ее дочь воцарилась в замке Дэйльсфорд, она начала допускать мысль, что брак с этим мистером Гастингсом, пожалуй, и не был мезальянсом. А теперь, по прошествии тридцати пяти лет, семидесятисемилетняя старуха отправилась в дальнюю дорогу – поглядеть наконец, что за особа ее зятек.

Марианна все эти годы прожила в Индии на положении королевы. Доставляла генерал-губернатору, своему супругу, множество неприятностей, улаживать которые ему стоило больших трудов, – неприятностей, проистекавших от ее поступков и речей, которые он находил очаровательными, а когда дело принимало очень уж серьезный оборот – оправдывал недостаточным знанием английского языка. Затем она, по причине расстроенного здоровья, уехала в Англию, а Га-

стингс еще остался в Индии. В Лондоне ей пришлось столкнуться со многими генеральшами Клэверинг, косо поглядывавшими на сомнительной репутации «разводку», и она приложила величайшие усилия к тому, чтобы эти косые взгляды превратились в благожелательные. Марианна так увлеклась этой задачей, что грандиозный процесс, явившийся следствием обвинений, которые парламент возбудил против генерал-губернатора за его деяния в Индии, прошел почти что незамеченным ею. Она тратила огромные суммы, оказывая щедрую поддержку многочисленным своим дядям, теткам, племянникам, племянницам, кузенам, кузинам, разумеется, и бывшему своему мужу, барону Имхофу, который, вторично женившись, ныне скитался по Германии и Австрии. Она сумела устроить блестящую карьеру своему сыну Чарльзу – толстому, краснолицему увальню. При всем том она и сейчас, в замке Дэйльсфорд, говорила тем же ломаным английским языком, что и на «Герцоге Грэфтоне», речь ее изобиловала все теми же ошибками, ласково поправляемыми сэром Уорреном.

Марианна подвела мать к столу. Старушка благосклонно взглянула на озеро и парк, уселась, окинула накрытый стол довольным взором, с удивлением остановила его на неказистом горшочке, задумалась на минуту, а затем весело расхохоталась. То был настоящий вюртембергский горшочек подлинного густого малинового варенья.

Так они сидели втроем. Гастингс пил чай, Марианна и ста-

рая баронесса – кофе. Дамы, улыбаясь, передавали друг другу горшочек с вареньем, улыбаясь, накладывали варенье на тарелочки. Марианне стоило немалых хлопот получить его из Штутгарта; но она считала излишним говорить об этих трудностях. Зато обе дамы, перебивая друг друга, болтали о великом множестве других вещей – скороговоркой, на бойком швабском диалекте.

Сэр Уоррен находил милую, почтеннейшую матушку своей жены очаровательной. К сожалению, он не понимал ни одного слова из того, что она рассказывала, ибо она говорила только по-немецки, то есть на одном из тех немногих языков, которыми он не владел. Тем не менее он внимательно прислушивался, с ласковой, счастливой улыбкой.

Старушка Шапюзе прогостила всего лишь четыре дня. Затем сэр Уоррен проводил ее на корабль и позаботился о том, чтобы ей предоставили всевозможные удобства. Был к ней почтителен, внимателен, не мог только, к сожалению, обменяться с ней хотя бы единым словом. Он долго глядел вслед кораблю. На обратном пути он в Лондоне посетил главную контору Ост-Индской компании, чтобы дать свое заключение по одному весьма важному вопросу. Он всячески старался сократить эту беседу; ибо ему хотелось поскорее вернуться в Дэйльсфорд, услышать голос своей жены.